Булычёв Кир (189) 20.10.04

Россія. – 2004 – 14–20 окт. – с. 20

Без фантастики

18 октября писателю Киру Булычеву исполнилось бы 70 лет

Инна Коваленко

В галерее «На Солянке» на днях проходила выставка «Кир и Кира», на которой экспонировались художественные работы Кира Булычева и Киры Сошинской, его супруги. В книге отзывов мальчик Игорь Попов ровным детским почерком написал: «Мне не очень хотелось идти. Но я бы, наверное, пожалел, если бы не пошел сюда. Мне почти все понравилось. Спасибо». Это «почти все» совсем не обидно, если понимать, что мир Кира и Киры не ограничивается всем тем, что было представлено на выставке.

Слава

Игорь Можейко взял в псевдоним имя супруги (Кира) и девичью фамилию матери (Булычева), и к перево-

Свадьба. Кира Сошинская в центре. 1957 г.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

дчику, журналисту, востоковеду, доктору исторических наук И. Можейко «добавился» писатель Кир Булычев. Первый занимался ответственной работой и ездил в ответственные командировки. Делать это беспартийному человеку было непросто. Второй являлся чуть ли не кумиром всего населения страны, включая детей. Что тоже было нелегко.

Кира Сошинская, супруга писателя, также могла рассчитывать на известность, но в более узких кругах. Выпускница Архитектурного института, проектировщик самых различных сооружений от стадиона «Локомотив» до интерьеров ресторанов, она восемь лет была главным художником журнала «Советский экран», а потом занималась оформлением книг и сделала их более двухсот. Но никакого творческого соперничества между супругами не было. «Я безоговорочно признавала его авторитет. Даже мысли не было соперничать с ним», — говорит Кира Алексеевна сейчас.

Она женщина невероятного обаяния и такой же невероятной красоты, не явной, скрытой, как переводная картинка. Когда я спрашиваю ее, как лучше говорить — «Кир Булычев» или «Игорь Всеволодович», она отвечает: «Как удобно», и сама в разговоре ни разу не скажет «мой муж», а будет говорить просто — Игорь. «Успех к Игорю приходил постепенно. Мы привыкали к нему, а он расширялся. Это не было так вот одномоментно. Абсолютно нет. Самый громкий успех пришел из кино, когда вышли «Тайна Третьей планеты», «Гостья из будущего». Вот это было действительно громко».

В своей автобиографической книге «Как стать фантастом» сам Кир Булычев говорил о собственной славе с иронией: *«Ближе всего к славе я приблизился после выхода на телеэкраны пятисерийной картины режиссера Арсенова «Гостья из будущего». Главную роль там играла очаровательная Наташа Гусева. И получилось так, что ее полюбили сто тысяч мальчишек... Если мне самому приходилось выступать перед детской аудиторией, то стоило произнести слова о том, что я писал сценарий фильма «Гостья из будущего», как по залу прокатывался восхищенный гул. И я понимал, как мне повезло в жизни: я был знаком с Наташей Гусевой»*.

Учеба

Булычеву на самом деле в жизни повезло, и даже, может, не один раз, но его главное и бесспорное везение заключалось в том, что он начал писать. *«Первой моей публикацией оказались наброски, сделанные в зоопарке. Я принес домой несколько номеров институтской многотиражки «Советский студент». Один положил маме на диван, чтобы сразу увидела, один — к себе на стол»*. До этого Булычев, еще мальчиком, тоже писал, но менее востребованно: *«Послал свой труд Феликсу Зигелю, руководителю астрономического кружка в планетарии. Надо было сделать статью, а я создал рассказ о полете на Луну. Как назло, я тогда простудился, и опус отнесла в планетарий мама. Никто не ответил, никто не оценил мой скромный труд. Больше я в планетарий не ходил»*. Но аппетита к писательству у Булычева не убавилось и после поступления в Московский государственный педагогический институт иностранных языков. *«Учили нас плохо, формально и первобытно. За шесть лет надо было познать пять языков, а мы кое-как выучили один. Зато ездили в колхоз, занимались туризмом, выпускали устный журнал и многотиражку, играли в собственном театре, а после института разбежались кто куда»*. Бежать особенно было некуда. Булычев стал переводчиком. Благодаря своей профессии попал за границу. Первый раз. В Бирму. С женой.

Любовь

В 1957 году Булычев женился, хотя, в общем, и не хотел. *«На курсе нас было шестеро женатых. Я сам женился ранней весной на студентке-архитекторше Кире Сошинской. Мы познакомились за год до этого, когда я увидел ее на вечеринке у общего знакомого; вошел с опозданием, Кира стояла у стены — помню платье с большими карманами, — и я впервые в жизни подумал: «Я на этой девушке женюсь». А ведь до этого были романы, драмы, но такой мысли не возникало. Мне очень не хотелось жениться»*.

В истории их знакомства есть одно странное, если не сказать судьбоносное, обстоятельство, которое заключается в том, что Кира, увидев первый раз своего будущего супруга, подумала о том же, о чем и он, только другими словами: «Мы познакомились на вечеринке. В эту компанию меня пригласил мальчик, который раз в месяц делал мне предложение. Тогда он меня уговаривал: «Пойдем, я познакомлю тебя с такими замечательными ребятами!» И мама моя сказала: «Ну пойди ты с ним». Я нехотя, без всякого желания пошла на эту вечеринку, и там оказался Игорь, который мне, в общем, понравился очень, мы поговорили, а мне надо было уходить домой, они еще оставались. Вот, я помню, стою в коридоре у выхода. А Игорь стоял у окна. Я посмотрела на него с мыслью: «Вот было бы смешно, если бы мне сказали, что этот человек станет моим мужем». Я так подумала, и это было странно. Мне подобная мысль никогда в голову еще не приходила. Сначала были нерегулярные дружеские встречи, потом пошло все посерьезнее. Поженились мы после этого только через восемь месяцев».

Уже в зрелом возрасте Кир Булычев признавался в том, что часто неравнодушен к слабому полу. Кира относилась к этому с редкой мудростью: «Он любил женщин, и я это прекрасно понимала, замечала, и мы обсуждали это. Я просто знала, какова его натура, и я должна была в свое время сделать выбор: или я это принимаю, или я не принимаю и мы живем врозь. Я считала, что должна жить с ним, с таким, какой он есть. Потому что другой он был бы не он, и я бы его не любила. Нельзя упираться и говорить: «Мое!» Это неправильно. Я сделала свой выбор. И когда что-то начинало меня царапать, я говорила: «Ты сделала выбор, или следуй ему, или живи одна». А я не собиралась жить без него. Он был главнее всего».

Бирма

Командировка Можейко в Бирму, где в то время СССР строил ряд объектов, стала почти свадебным путешествием. Кира приехала в Бирму чуть позже мужа и уехала чуть раньше него: «Я взяла академический отпуск в институте, отложила диплом и тоже поехала. Когда вернулась, училась с другой группой и очень хорошими преподавателями.

В Бирме я, вроде бы почти архитектор, работала в нашей строительной организации, на площадку ездила каждый день со всеми, потому что там постоянно чертежи надо было править. Полгода я туда ездила, мне должны были заплатить деньги за работу, но не заплатили, и я бросила заниматься филантропией.

По воскресеньям мы с Игорем ездили в разные места и рисовали вместе. Бирма — волшебная страна, совершенно необыкновенная, с невероятно красивыми людьми. У нас об этом никто не знает, Бирма будто бы закрыта для нас. Конечно, там было трудно, потому что это настоящие тропики, жара безумная и муссонные дожди, которые шли стеной, но страна все равно удивительная, очень красивая, интересная.

Во второй приезд в Бирму я учила детей музыке. У меня было два скрипача: один мальчик — сын чешского посла, вторая — девочка из нашего посольства, и человек шесть пианистов. До этого я проучилась в консерваторском училище двенадцать лет, ушла с последнего курса, когда поступила в Архитектурный институт. В работе учителя музыки самое страшное было, когда дети выступали. Вот тут я волновалась в сто раз больше, чем когда я сама играла. Детей там было много. Учились они все плохо. Позанимаешься с ним в понедельник, а в пятницу приходишь — он на том же месте. С тех пор я поняла, что учить я никогда никого не буду, это не мое дело».

Можейко же в Бирме понял другое. *«Сделав дела, я отправлялся на улицу Боджока Аун Сана, вождя бирманской революции, в книжный магазин мистера Боуна... Магазин Боуна не мог превратить меня в писателя, но зато он сделал из меня читателя американской фантастики. Я прожил в Бирме два года и накопил библиотеку фантастики. За те годы я и строчки еще не написал, но накапливал в себе писательство, как бремя, от которого когда-то должен буду разрешиться»*.

До этого было еще далеко. А пока Можейко дарил Кире бирманские подарки. *«Мы поехали к известному мне сапожнику. Сапожник показал Кире, какие туфли он умеет шить, и предложил заказчице просить, что она пожелает... В тот день Кира заказала себе три пары туфель, и два дня, прежде чем их не привез велосипедист, она не могла спать... Мы не купили машину, но я не очень преувеличу, если скажу, что Кира привезла из Бирмы две дюжины туфель»*. Ничего из той обуви уже не осталось, только память Киры Алексеевны хранит все подарки супруга: «Он обожал дарить подарки. Говорил: «Я больше всего люблю дарить подарки тебе, потому что ты их очень хорошо принимаешь». Он очень любил дарить цветы, удивлял подарками. Разными. Всякими. Подарки вообще дарятся к случаю, а он часто дарил просто так, когда захочет».

Алиса

Самым большим Кириным подарком, который она преподнесла супругу в 1960 году, была дочка Алиса. Позже все начнут отождествлять литературную героиню Алису с дочкой писателя. Хотя ничего общего между ними не было, кроме имени, которое, как вспоминает Кира Алексеевна, тоже досталось дочери случайно: «Мы ее целый месяц не могли назвать никак. У нас были разные предложения, но то не нравилось моей маме, то не нравилось маме Игоря, то не нравилось нам. И однажды мой папа стал листать какой-то польский сборник и говорит: «Какое хорошее имя — Фелиция». Я говорю: «Замечательно». Он несколько раз повторил: «Фелиция, Фелиция, Фелиция». А я слышу: «Алиция, Алисия, Алиса. Вот так оно и будет». И тут же вспомнила, как у нас на катке, когда я каталась на коньках, была очень красивая девочка. Ее тоже звали Алиса».

Молодая мама уже отчасти представляла себе примерную концепцию воспитания дочери: «Единственное, что я знала, — что я не буду учить ее музыке, потому что у меня вообще не было свободного детства и мне так хотелось, чтобы мой ребенок рос так, как ему хотелось. Захотелось кататься на коньках — все, я с удовольствием ее водила на каток. Захотелось рисовать — прекрасно. Алиса стала ходить в художественную школу. А потом, когда она уже выросла, сказала мне: «Мама, почему ты меня не учила музыке? Как жалко!» Но я понимаю, что детство ее было легкое, и я этому очень рада».

Девочка Алиса была непохожа ни на папу, ни на маму, и ее в семье однажды называли «Хрущев», потому что на одной фотографии она оказалась похожей на Хрущева.

«Алиса очень рано вышла замуж. Я считаю, что рано. В двадцать лет. У нее очень хороший муж, которого я очень люблю. Они оба архитекторы, вместе работают и очень увлечены своим делом. У них есть сын, наш внук, зовут его Тимофей, ему тринадцать лет. Пока что мы думаем, что он будет архитектором, а может, что-то и изменится», — Кира Алексеевна не делает прогнозов.

Армения

Вспоминая совместный с мужем отдых, Сошинская очень эмоционально, заражая интересом, рассказывает об Армении: «После того, как родилась Алиса и я перестала кормить грудью, мы поехали отдохнуть в Армению. Были в Санаинском монастыре, прожили там несколько дней, рисовали очень много, и оказалось, что рядом с монастырем был детский сад. И вот весь коллектив детсада приходил смотреть, как мы рисуем. Я нарисовала там очень много портретов, они так и лежат у меня в мастерской, их никогда никто так и не видел. А Игорь весь этот детский сад еще фотографировал. Мы уехали, Игорь потом послал фотографии в Армению. И к Новому году мы получаем гигантскую посылку, ящик, из которого что-то течет. Это были фрукты из Санаина. Они прислали нам в благодарность за фотографии.

А в Ереван мы приехали к нашему другу. Был такой армянский поэт Паруйр Севак. Он знал, что мы приедем, должен был встречать. Мы отправились к нему, а его нет дома. Уже потом выяснилось, что Паруйра срочно вызвали в горное селение, к родственникам, что-то там случилось. А мы не знаем, что делать: в гостиницу устроиться невозможно. Думали-думали и пошли в Союз писателей спросить, где Севак, надолго ли уехал? А там оказался такой невысокий человечек. Спрашивает: «Вы приехали к Севаку? Хорошо». Стал нас водить по Еревану, по кафе. Целый день мы ходили по кафе, пока кто-то ему не шепнул что-то на ухо и он не сказал нам, что с гостиницей устроилось.

Проходит время, месяца два или три. Звонок в дверь. Стоит этот человек с чемоданчиком: «Я приехал к вам в гости». Он оказался писателем, привез нам в Москву чемодан рукописей читать. А у нас такая теснота тогда была, и Игорь устроил его в гостиницу, а рукописи мы, признаюсь, так и не прочли. Но с тех пор мы очень нежно любим Армению».

Первая проза – последняя проза

В год рождения дочери Булычев стал писать много. *«Разумеется, речи о фантастике пока не было. Но мамина приятельница, переводчица с английского, привела меня в журнал «Вокруг света», где мне предложили написать очерк о Бирме... Первый же фантастический рассказ появился в «Искателе», приложении к «Вокруг света». Из типографии сообщили, что тиражом в триста тысяч экземпляров напечатана цветная обложка для «Искателя». А цензура заявила, что из номера изымается переводной американский рассказ. Обложка была иллюстрацией к запрещенному рассказу... На обложке был нарисован стул. На стуле — банка. В банке — динозавр... Я написал рассказ...»* Кира Алексеевна после этого читала все его рассказы: «Считайте, я его первый редактор. Всегда. Он мне очень доверял. Все, что он писал, за редчайшим исключением, когда, допустим, меня нет в Москве, а ему надо что-то срочно сдавать. Тогда я могла не читать, а в остальном читала всегда». Случалось так, что Кире что-то не нравилось. Так было. Правда, Сошинская не называет это произведение. Булычев прислушался к ее совету и большую часть некоего произведения удалил.

Они жили в любовно-творческом союзе той жизнью, которую сами себе выбрали. «Игорь очень общительный человек был. Пока была дача, которую нам сожгли, там каждую субботу собирался народ, много народу. У Игоря всегда было много приятелей. Друзей — не так много, но они и до сих пор остаются друзьями».

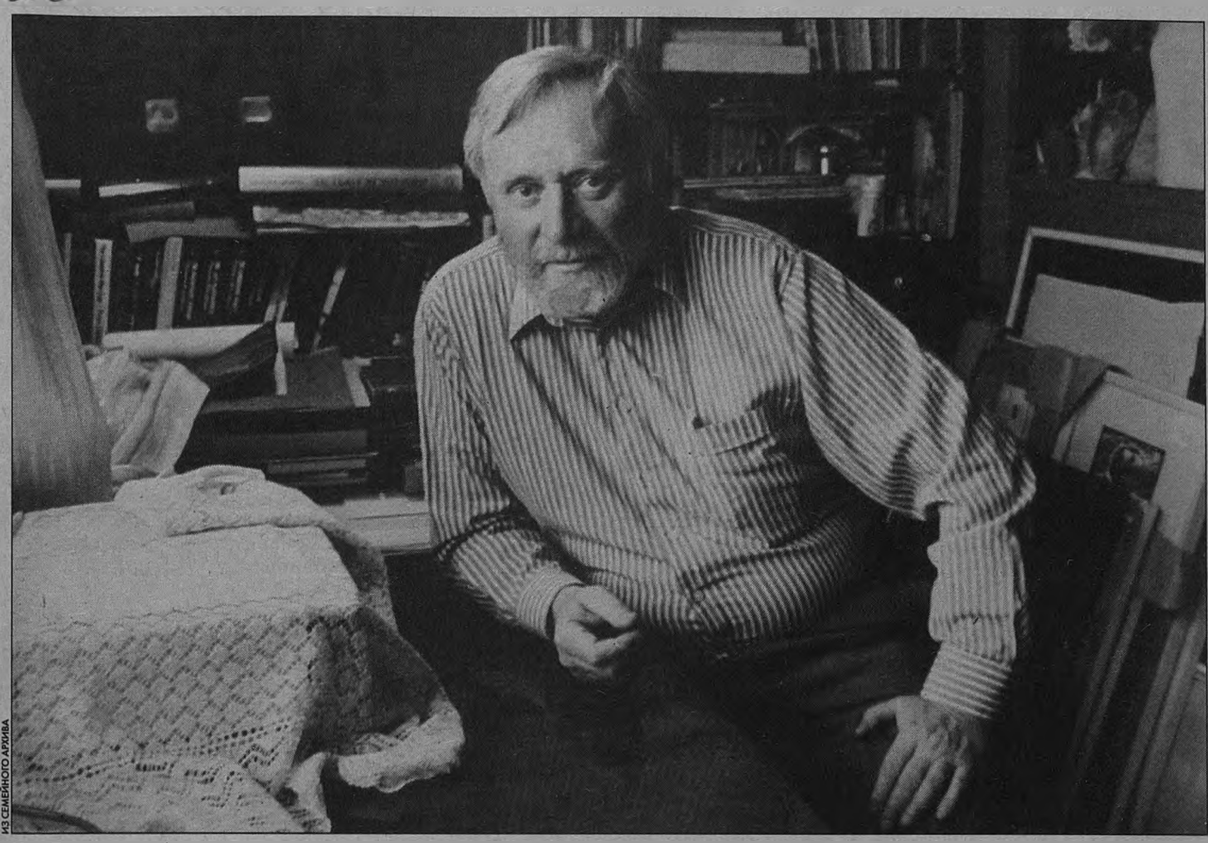
В 1975 году Кира ушла на вольные хлеба, на службу уже не ходила, работала дома. Потом у нее появилась мастерская. Булычев посещал работу не каждый день. В институте у него было два присутственных дня. Остальное время писал дома. У Киры Алексеевны есть любимый роман Булычева — «Река Хронос». В этом романе, в его героине Лидочке, Кира Алексеевна иногда чувствует себя.

Все остальное

Кира Булычева с нами нет уже год, а кто-то до сих пор недоуменно восклицает: «А что, он уже умер? Надо же!» Люди не знают. Люди не верят. Люди не хотят верить. Они берут с полки книгу писателя и живут за него — его рассказами. Потому что зачастую лучшая память остается на бумаге. Кира Алексеевна знает об этом, как никто другой. «Однажды, когда я болела и мне должны были делать операцию, Игорю пришлось ехать в Германию. Так получилось, что он не мог не поехать. Это была такая жуткая трагедия для него. По этому поводу он написал несколько стихотворений, очень трогательных».

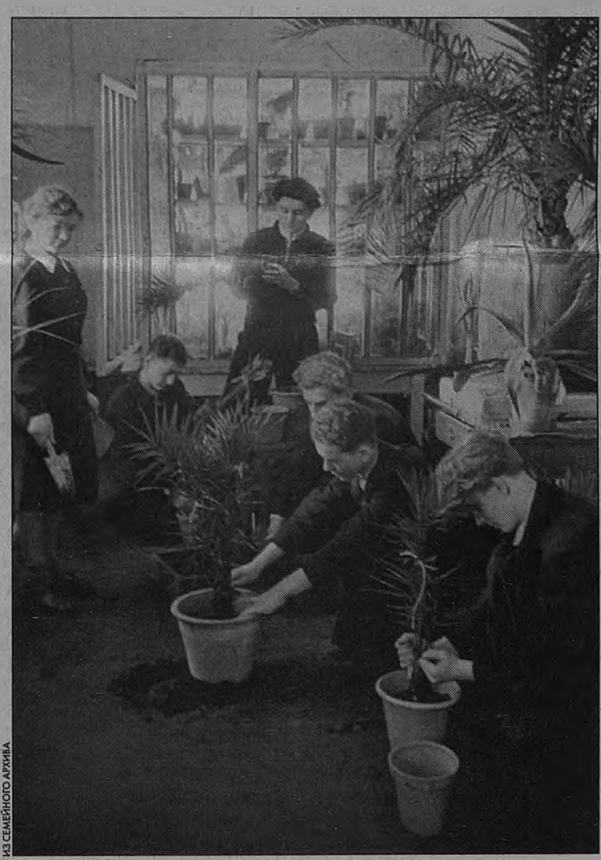
Булычев всегда оставался рядом с Кирой: «Когда он уже сейчас болел, он сказал, что не хочет видеть ни одного человека, кроме меня. Все эти дни — я приезжала в восемь утра, уезжала в десять вечера — он говорил, что любил одну только меня». Слышать подобное, наверное, было невыносимо, тем более что у Киры Алексеевны тогда уже почти не было надежд: «Я знала, что он тяжело болен. Ему мы впрямую ничего не говорили. Но он догадывался. Игорю было очень паршиво, но он сражался с болезнью просто героически, не хотел сдаваться никак. Когда ему стало совсем плохо, сделали операцию, после которой я узнала диагноз. После это он болел еще семь недель. Я все ждала, когда же мы заберем его из больницы, думала: ну когда же? Я помню, как открыла Библию, и у меня палец упал на строку «Город будет построен через пятьдесят два дня». Я решила, что через пятьдесят два дня мы заберем его из больницы... Он умер через сорок девять дней, через три дня душа его отошла. С тех пор я ищу это место в Библии, но найти не могу».

Спустя год после его смерти они опять были вместе. На выставке. Кир... и Кира, которая продолжает жить работой, рисует, занимается переводами с английского, как когда-то это делал ее муж.



Кир Булычев любил дарить супруге цветы и делать подарки

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА



Девятиклассник Игорь (справа) на уроке ботаники. Москва. 1951 г.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Бирма. Рангун. Золотая пагода (Можейко в центре). 1963 г.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА